

ЛАО ШЭ

ДВОЕ В ЛОНДОНЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Л23

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с китайского *В. Семанова*
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Лао, Шэ.

Л23 Двое в Лондоне / Лао Шэ ; [перевод с китайского В. Семанова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-177172-0

Семья китайских эмигрантов покидает родной Пекин, чтобы начать новую жизнь в Лондоне, где на тихой улочке рядом с собором Святого Павла расположен антикварный магазинчик, доставшийся им по наследству. Господин Ма — типичный представитель «старого Китая» — консервативен и оторван от реальности, его сын Ма Вэй, напротив, пытается адаптироваться к новой среде. Но, несмотря на свои различия, и отец, и сын сталкиваются с типичными эмигрантскими проблемами — языковым барьером, расовыми предрассудками, одиночеством и тоской по родине, — которые только усиливаются из-за культурного разрыва между Китаем и Западом начала XX века.

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-17-177172-0

© Перевод. В. Семанов, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава первая

I

Ма Вэй, опустив голову, шел к Гайд-парку. Иногда он останавливался, смотрел вокруг. На что? Да ни на что. И не думал вовсе смотреть, и не увидел бы ничего. Его голова напоминала сейчас рыбий пузырь, в котором не было абсолютно никаких мыслей. Он забыл обо всем окружающем и только жалел, что этот мир не погиб вместе с ним, навсегда не погиб. В какой-то момент юноша остановился на целых три минуты, потом снова пошел.

— А, сегодня воскресенье! — тихо сказал он самому себе.

В воскресенье Гайд-парк всегда был очень оживленным. На лужайке и на дорожках, посыпанных песком, группами стояли люди. Среди них были рабочие, которые, вытянув шеи и подняв грубые черные руки с красными знаменами, громко кричали: «Долой капиталистов!», возлагая на капитализм все свои беды — даже то, что они плохо спали эту ночь. Недалеко от рабочих толпились консерваторы, которые, еще сильнее вытянув шеи (из-за высоких твердых воротничков) и подняв тонкие белые руки

с национальными флагами, истошно кричали: «Долой социалистов! Долой шпионов-антипатриотов!» Все свои беды они возлагали на рабочих и социалистов — в том числе и то, что сегодня утром шел дождь, а на завтрак им попались тухлые яйца. Еще дальше стояла Армия спасения с голубыми флагами, которая била в барабаны, дула в дудки и без конца читала молитвы. Чем усерднее она славилась Богу, тем громче кричали рабочие с красными флагами, иногда даже изрыгая проклятия, которые не найти ни в одном словаре. За Армией спасения шли католики, поборники независимости Индии, возрождения либеральной партии, немедленного уничтожения Китая и еще бог знает чего. Некоторые вообще ни за что не ратовали, а только поглядывали друг на друга и улыбались.

Почти все рабочие стояли с глиняными трубками в зубах, засунув руки в карманы, и одобрительно кивали в ответ на каждое слово выступавшего. Патриоты под национальными флагами по большей части были в черных котелках и, кивая, кричали: «Правильно! Верно!» В остальных маленьких группах вели себя менее оригинально, иногда спорили друг с другом, но тоже сдвигали вместе головы, как бараны. Между группами прохаживались крепкие молодые люди в шляпах набекрень, которые непрерывно острились, хохотали, поглядывали на других гуляющих. И, наконец, за пределами этих групп кучками по трое-четверо стояли лондонские полисмены: высокие, большерукие, большеногие, словно их всех родила одна мать.

Самыми приметными были гвардейцы в красной форме — стройные, прямые, как будто написанные на холсте, и с такими идеальными стрелками на брюках, точно в них вставили железные штыри. Гвардейцы щедро улыбались, показывая ослепительно-белые зубы, и сверкали выбритыми до синевы затылками. Они никого не слушали, а просто стояли в самых оживленных местах, зыря глазами вокруг. Постояв так несколько минут, они подхватывали под руку какую-нибудь девушку и отправлялись с ней любезничать.

На лужайке сидели и лежали мужчины и женщины. Одни обнимались, другие читали газеты, третьи только делали вид, что читают, а на самом деле поглядывали на ноги девушек. Среди взрослых бегали дети в ярких костюмчиках, носились с радостным лаем жирные собаки. Няни в белых панамах, ворча, опекали своих ангелочков.

Ма Вэй долго стоял поодаль, но по-прежнему ничего не слышал и не мог придумать, куда идти дальше.

Ему было года двадцать два или двадцать три. Довольно высокий, худой, но не слабый, с чистым желтым лицом, он обращал на себя внимание своими густыми, загнутыми кверху бровями, которые придавали его большим глазам вечно смеющееся выражение. Если бы не эти брови, его взгляд был бы сейчас, наверное, просто страшным. Глаза очень черные и блестящие, с яркими белками, нос небольшой, как раз подходящий к лицу и росту. Губы тоже чуть загнуты вверх, подобно бровям, благодаря чему выглядел он всегда приветливо.

Казалось, юноше было рано о чем-либо печалиться, но его нахмуренные брови, опущенная голова, сторбленная фигура — все говорило о том, что он уже утратил часть своей молодости.

На Ма Вэе были серый шерстяной костюм и черное суконное пальто, хорошо сшитые, но давно нечищенные, утратившие свой первоначальный вид. По сравнению с гвардейцами в красных мундирах, которые любезничали на поляне с девушками, он выглядел явно несчастным.

Солнце уже садилось. Алая заря, опускаясь на зеленую бархатную траву, окрашивала ее в фиолетовый цвет. Красные знамена рабочих постепенно начали багроветь, словно запекаясь кровью. Выступающих становилось все меньше. Засунув руки в карманы пальто, Ма Вэй сделал несколько шагов и остановился у железной ограды парка. На западной стороне неба заря уже вытеснила последние солнечные лучи. Серая мгла, смешавшись с этими лучами, запестрела, как иссиня-седые полосы на шее дикого голубя. Серый цвет медленно густел и, соединяясь с плывущим по земле туманом, поглотил все вокруг. Знамена превратились в черные точки. Макушки деревьев вдалеке охватили их и утащили в ночь.

Люди почти все разбрелись. Зажглись газовые фонари. Вокруг Гайд-парка забегали красные, зеленые, желтые огни машин. Пробираясь сквозь туман, они слились в длинную живую радугу.

На лужайке не осталось людей, только один черный силуэт возле ограды.

Ли Цзыжун уже забрался под одеяло, завернулся поудобнее и почти заснул, как вдруг внизу зазвенел дверной колокольчик. Парень хотел открыть глаза, но голова безвольно скользнула по подушке. Он лишь успел подумать: «Кажется, что-то прозвучало?..»

— Дзинь! — снова зазвенел колокольчик.

Ли Цзыжун через силу открыл глаза и прислушался. «Что за черт звонит среди ночи? Кто это?!»

Он оперся о постель и, сев, откинул занавеску на окне. В переулке горел газовый фонарь, но туман был слишком густым, так что увидеть ничего не удалось.

Колокольчик зазвенел еще настойчивее. Ли Цзыжун поднялся, нащупал в темноте туфли, и кожа его мгновенно покрылась пупырышками. Хотя стоял уже конец апреля, ночами было очень холодно. Так же ошупью он включил свет, накинул на плечи пальто и, затаив дыхание, на цыпочках спустился вниз. Хозяйка, живущая здесь, уже заснула, и если он ее разбудит, то наверняка нарвется на скандал. Тихонько открыв дверь, Ли Цзыжун спросил:

— Кто там?

Казалось, он боялся разбудить не только хозяйку, но и туман на улице.

— Я.

— Это ты, Ма? Чего трезвонишь?

Ма Вэй ничего не ответил, но вошел и сразу направился вверх. Ли Цзыжун со всеми предосторожностями закрыл дверь и бесшумно последовал

за гостем. У дверей своей комнаты он остановился и прислушался. Внизу все было тихо. «Слава богу, хозяйка не проснулась! — подумал он. — А то утром на завтрак я получил бы не столько еды, сколько брани!»

Когда они вошли в комнату, Ма Вэй снял пальто, бросил его на спинку стула, но по-прежнему не произносил ни звука.

— Что с тобой, Ма? Снова со стариком повздорил?

Ма Вэй отрицательно покачал головой. При свете электрической лампы его лицо казалось еще желтее и печальнее, под глазами виднелись синие мешки, на кончике носа выступили капельки пота.

— Что с тобой? — повторил Ли Цзыжун.

Вздыхнув, Ма Вэй облизал пересохшие губы.

— Я страшно устал. Можно мне переночевать у тебя?

— Но здесь только одна кровать! — улыбнулся Ли Цзыжун.

— Ничего, я посплю в этом кресле. Ночь как-нибудь протяну, тогда завтра легче будет действовать.

— А что ты собираешься делать завтра?

Ма Вэй снова покачал головой. Зная его характер, Ли Цзыжун понимал, что расспрашивать бесполезно, раз сам ничего не говорит.

— Ладно, — сказал он, взъерошив волосы, — ты ложись на кровать, а кресло я возьму себе. — Он постелил на кресле плед. — Но рано утром тебе придется уйти, чтобы хозяйка не заметила. Ложись скорей!

— Нет, ты спи на своем месте, а я в кресле! — Ма Вэй улыбнулся, но суровой улыбкой. — На рассвете я уйду, обязательно.

— Куда же ты пойдешь? Скажи, а то я всю ночь не смогу заснуть. Снова со стариком поругался, что ли?

— Не говори! — зевнул Ма Вэй. — Вообще-то я не собирался к тебе, но сегодня вечером уехать не сумел, вот и пришлось тебя потревожить.

— А куда ты надумал ехать?

Поняв, что Ма Вэй ни за что не ляжет на кровать, Ли Цзыжун дал ему кроме пледа еще и пальто. Потом погасил свет и лег сам.

— В Германию или во Францию — не знаю точно.

— По торговым делам отца?

— Отцу я не нужен!

— Вот как? — изумленно откликнулся Ли Цзыжун и больше ничего не сказал.

Они долго молчали. На улице было очень тихо, лишь издали доносились свистки паровозов да пароходные гудки. Часы на церковной колокольне пробили два раза.

— Тебе не холодно? — спросил Ли Цзыжун.

— Нет...

Перед тем как заснуть, Ли решил встать пораньше, чтобы не дать Ма сбежать: «С утра помоюсь холодной водой, оставлю хозяйке записку, что сегодня из-за срочных дел завтракать не буду, а сам вместе с ним пойду перекусить на улицу. Потом верну его домой, нет, лучше в лавку: там его отец

не решится скандалить... Ничего, дети часто ссорятся с родителями. Ма еще слишком молод, наивен...»

Во сне Ли Цзыжун продолжал размышлять, потом услышал тарактенье тележки молочника, все более частые гудки машин... Он лихорадочно открыл глаза — лучи солнца уже пробивались сквозь занавеску. Плед и пальто лежали на кресле, но Ма Вэя не было! Вскочив и набросив на плечи пальто, Ли Цзыжун подошел к окну. Вдали виднелась Темза. На ее берегах еще не замечалось особого движения, но лодки и катера уже сновали по воде. Деревья выпустили первые бледно-зеленые листочки, которые сейчас были окутаны легким туманом. Солнце, пробиваясь сквозь туман, золотило эти листочки и превращало их в зеленоватые жемчужины, только что выловленные из воды. Большинство лодок было без парусов, лишь на нескольких висели белые клочки, похожие на бабочек, порхающих среди цветов.

Начинался утренний прилив. Волны, освещенные солнцем, золотились, как чешуя. Временами эта чешуя разрывалась и рассыпалась множеством искр или покрывалась белыми гребешками — нежными, словно пушинки одуванчика.

Одна из парусных лодок плыла вперед, а волны подгоняли ее, точно дракон мотылька. Ли Цзыжун зачарованно смотрел, как она плывет, потом открыл окно и решил убрать в комнате. На столе блеснула какая-то безделушка, под ней лежала записка. Ли Цзыжун торопливо прочел ее и по-

холодел. Медленно подошел к креслу, сел, снова перечитал записку. В ней было всего несколько иероглифов, коряво написанных карандашом, наверное, в полутьме:

Дорогой Цзыжун, спасибо тебе! Колечко передай, пожалуйста, мисс Уэндел. До свидания!

Вэй

Глава вторая

1

Эта история началась за год до того, как Ма Вэй тайком ушел от Ли Цзыжуна. Некий пастор Ивэнс больше двадцати лет служил миссионером в Китае и полагал, что знает об этой стране все — от триграмм Фу Си до попытки Юань Шикая стать императором*. Последнее событие ему особенно нравилось. Правда, китайским языком он владел плохо, но в Лондоне мог считаться настоящей живой китайской энциклопедией. Китайцев он любил так, что даже ночью, обливаясь горячими слезами, молился о том, чтобы Бог поскорее сделал Китай колонией Англии. Ведь если англичане не будут управлять китайцами, эти желтолицые черноволосые черти никогда не попадут в рай!

* Фу Си — мифический император древности, якобы открывший триграммы (сочетания сплошных и прерванных линий), которые послужили основой для письменности и гадания. Юань Шикай — один из первых президентов Китайской республики, провозгласивший себя в 1915 году императором.

Преподобный Ивенс шел по Оксфордской улице — и шел очень бодро, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет. Эта улица с раннего утра до поздней ночи была полна женщин, поскольку, кроме нескольких табачных лавок, почти все здешние магазины торговали дамскими товарами. Приблизившись к ним, женщина, как бы она ни спешила, уже не могла сдвинуться с места. Ведь тут в витринах красовались разноцветные шляпки, туфельки, перчатки, сумочки... и все это обладало необыкновенной притягательной силой для женских глаз, тел и душ. Когда же по Оксфордской улице шел отец Ивенс, его строгая религиозная мораль значительно слабела. Стоило ему сделать шаг вперед, как его высоко вздернутый нос утыкался в зонтик чопорной старухи; стоило попятиться, как он наступал своим твердым каблуком (мягкие, каучуковые он не терпел) на дамскую ножку; стоило вынуть платок, как его локоть попадал в женскую корзинку... Короче говоря, каждый раз после возвращения с Оксфордской улицы Ивенс был вынужден менять по меньшей мере одну рубашку и два носовых платка. А уж всякие там «извините» или «простите за неосторожность» приходилось говорить раз сто.

Вырвавшись из этого кошмарного водоворота, пастор глубоко вздохнул, возблагодарил Господа и продолжил свой путь. На его седых висках, словно растаявший снег, блестели капли пота. Хотя ему и было уже за шестьдесят, держался он очень прямо, был всегда гладко выбрит, и его щеки, если бы не морщины, напоминали багровую глазурованную

черепицу. Глаза большие, с маленькими зрачками, а над ними — голые мясные холмики, которые лет двадцать или тридцать тому назад были бровями. Очки вечно сползали на кончик вздернутого носа, из-за чего Ивенсу было гораздо легче смотреть поверх очков, чем через них. Губы очень тонкие, опущенные книзу и производившие на прихожан удручающее впечатление — вместе с пристальным взглядом карих глаз поверх очков. Но на самом деле преподобный Ивенс был человеком очень добрым, что еще раз доказывает, что миссионеру необходимо иметь противоречивый облик.

Дойдя до Музейной улицы, он повернул налево, миновал площадь Торрингтон и зашел в переулок Гордона. Здесь жило немало китайских студентов. Вообще китайцы в Лондоне делятся на два основных типа: рабочие и студенты. Первые живут по большей части в Ист-энде, в печально знаменитом Китайском квартале. Немцы, французы, американцы и другие иностранцы, недостаточно богатые, чтобы съездить на Восток, но способные побывать в Лондоне, обязательно отправятся взглянуть на Китайский квартал и черпают там материал для романов, дневников и очерков. В этом квартале нет ничего особенного, как и в самих китайских рабочих, но посмотреть на них нужно непременно. Ведь Китай — слабая страна, вынужденная экспортировать свою рабочую силу, и на нее очень удобно навешивать всевозможные ярлыки. Если в Китайском квартале живет двадцать китайцев, то в иностранных сочинениях их оказывается пять тысяч, причем все эти

желтолицые дьяволы как один курят опиум, незаконно торгуют оружием, убивают людей, прячут их трупы под кроватями, насилюют женщин, невзирая на возраст, и творят прочие дела, за которые мало разругать на десять тысяч кусков. На основе этих сообщений пишутся пьесы, снимаются фильмы, а иностранные девушки, старухи, дети и английские короли, которые смотрят эти пьесы и фильмы, принимают их за чистую монету и начинают считать китайцев самыми подлыми, грязными и мерзкими двуногими в мире.

В двадцатом веке понятия «человек» и «государство» особенно тесно взаимосвязаны. Подданные сильной страны — это люди, а слабой? Очевидно, собаки... Именно так и смотрят на китайцев. Когда же мы наконец откроем глаза? Настало время распрямиться, а иначе нас вечно будут считать собаками!

Если у Китайского квартала такая дурная слава, то китайским студентам, естественно, тоже не везет. Их не пускают в более или менее приличные гостиницы, не говоря уже о частных домах. Им удается найти пристанище лишь в скромных домах за Британским музеем — и не потому, что в этом районе живут какие-то особо добрые люди, а потому, что они привыкли к общению с азиатами, вынуждены терпеть их. Торговец курами вовсе не обязательно любит кур; так и англичане, сдающие нам жилье, весьма редко любят китайцев.

Тридцать пятый дом по переулку Гордона принадлежал вдове Уэндел. Это был небольшой трех-

этажный домик из семи или восьми комнат, огороженный живой изгородью. На ступенях этого дома никогда не было ни пылинки; медное кольцо на красной двери всегда до блеска начищено. На втором этаже, почти сразу после входа, человек попадал в маленькую гостиную, а затем в столовую. Внизу была кухня, наверху — еще три комнаты.

Подойдя к дому, отец Ивенс снял шляпу, стер с лица пот, поправил галстук и, лишь убедившись, что в его фигуре нет ни малейшего изъяна, тихо поднялся по ступеням. Здесь он немного постоял, потом дважды стукнул медным кольцом по двери — осторожно, как музыкант, пробующий звук на рояле.

Наверху слышались дробные шажки: кто-то сбегал по лестнице. Дверь слегка отворилась — из-за нее показалось лицо миссис Уэндел.

— А, преподобный Ивенс! Как поживаете? — Она открыла дверь пошире и протянула свою белую ручку для пожатия. Пастор, конечно, воспользовался этим и, зайдя в переднюю, повесил шляпу и пальто на вешалку.

Гостиная была очень чистой и уютной, даже гвозди, на которых висели картины, казалось, улыбались. В центре комнаты лежал длинный зеленый ковер, на нем стояли два небольших кресла, дубовые стулья с зеленой плюшевой обивкой и чайный столик с трехцветной китайской фарфоровой вазочкой, а в ней — белые розы. У стены пианино с двумя или тремя фотографиями в рамках, перед ним — лаковый табурет. На табурете лежала белая толстая болонка, которая, увидев пастора, тут же